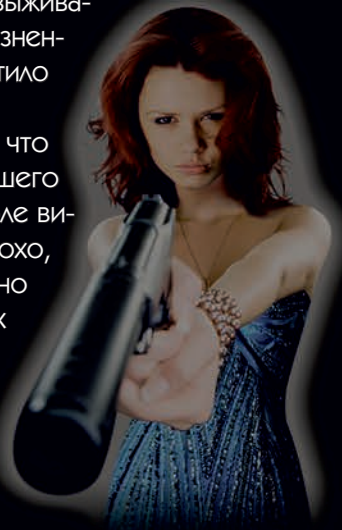

Жизнь в образцово-показательном детском доме текла размеренно и спокойно. Практически без эксцессов и ЧП. А если кто-то из детей умирал — так все мы смертны...

...Белка не то чтобы была счастлива — она еще не знала, что это такое, — но, приняв условия игры, умудрилась выиграть. Став лживой и коварной, она сумела выбиться в лидеры, не дав себя растоптать. С десяти до семнадцати лет, участвуя в этом изнурительном марафоне на выживание, Белка набралась такого жизненного опыта, которого иным хватило бы на десять жизней.

Она понятия не имела, что такое хорошо, так как хорошего в своей ранней сиротской доле видела мало. Но зато что такое плохо, она узнала сполна. И прекрасно научилась разбираться в людях и экстремальных ситуациях. Она точно знала, как будет выстраивать свою дальнейшую жизнь и что в этой жизни будет главным, а что второстепенным...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5626-2

9 786171 256262

ВАЛЕРИЙ МАХОВ

ВАЛЕРИЙ МАХОВ
СЕЗОН МЕСТИ

СЕЗОН МЕСТИ

СЕЗОН
МЕСТИ

ВАЛЕРИЙ МАХОВ

СЕЗОН МЕСТИ

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.16-312.4
М36

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнеры обложки
Милена Белицкая, Анастасия Попова

ISBN 978-617-12-5626-2

- © Махов В., 2009, 2010, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Предисловие

Роман Валерия Махова — достаточно характерный образец психологического триллера, с его стремительной динамикой развития сюжета, с контрастным монтажом эпизодов, широким применением приемов усиления конфликтного действия и при всем этом — тщательно разработанными характерами персонажей, с их достоинствами, недостатками, привычками, слабостями, которые и создают рельефность, заставляющую верить в подлинность изображенных человеческих натур.

Одним из несомненных достоинств романа является детальная разработка фона основного действия, с его типичными, а потому легко узнаваемыми коллизиями, присущими именно постсоветской эпохе, и никакой другой. Этот фон не только оттеняет образы основных героев, но и придает их поступкам то логическое обоснование, без которого они бы не нашли должного отклика в нравственной позиции читателя, который с болью ощущает свою уязвимость перед силами зла и жаждет увидеть героя, который в самый критический момент придет и сурово накажет тех, на кого, казалось бы, нет управы.

Автор выстраивает четкую линию сквозного действия, неуклонно направленного на достижение идейной цели

произведения: «Зло должно быть наказано». И не когда-нибудь, в момент эфемерного торжества державной справедливости, а сейчас, немедленно и зримо, так же зримо, как это зло правит бал, упиваясь своей безнаказанностью.

При этом многочисленные «свинцовые мерзости» современной жизни, достаточно выпукло представленные в романе, не оставляют ощущения безнадежности, безысходности, того, что присуще так называемой «чернухе». Напротив, при всей своей силе и масштабности Зло представлено автором как всего лишь нездоровая аномалия, которую ждет совершенно неотвратимое уничтожение. Именно уничтожение, потому что, как писал известный австрийский ученый Отто Вейнингер в начале особо черватога Злом XX столетия, «с дьяволом не договариваются: либо ему покоряются, либо его уничтожают».

Роман «Сезон мести» дарит надежду на победу в борьбе с дьяволом, и это, пожалуй, одно из самых значительных его достоинств, как, впрочем, любого произведения художественного творчества гуманистического направления.

В романе неоднократно и тем не менее неизменно удачно применяется прием, называемый «болевым эффектом», — когда носители зла своими действиями настолько превышают меру допустимого, что читатель нетерпеливо жаждет возмездия в самом радикальном его проявлении.

Классическим примером «болевого эффекта» служит фрагмент романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы», когда Иван Карамазов рассказывает Алеше о том, как один помещик приказал затравить собаками ребенка, а затем спрашивает, что бы тот предпринял в таком слу-

чае, на что благочестивый Алеша отвечает, дрожа от гнева: «Расстрелял бы!»

Не следует забывать при этом, что главный герой романа, сталкиваясь лицом к лицу с явными злодеями, причем весьма неплохо подготовленными для ведения боевых действий и не имеющими никаких нравственных запретительных барьеров, действует на собственный страх и риск, к тому же голыми руками. На его месте в подобных обстоятельствах американский полицейский офицер не колеблясь применил бы табельное оружие, после чего получил бы поощрение за свои решительные действия.

Герой всегда предоставляет злодею последнюю возможность одуматься, остановиться перед атакующим прыжком, но... если бы тот действительно был способен одуматься, то не был бы злодеем.

Со Злом не договариваются, его не увещевают, не грозят ему пальчиком и не сажают за решетку в слепой надежде на исправление, которое не наблюдалось никогда в течение всей истории человечества. Как сказал древний мудрец Эзоп, «исправить злого человека невозможно, он может изменить только вид, но не нрав». Обратное утверждают лишь те, кому это выгодно.

Главные герои романа Махова хорошо осознают справедливость эзоповской позиции и не обольщаются насчет эффективности мирных переговоров с беспределом Зла. Они действуют, рискуя, попадая, казалось бы, в совершенно безвыходные ситуации, и тем не менее выходят из них победителями благодаря собственным достоинствам и поддержке людей, настроенных, в принципе, не столь радикально, но обладающих элементарно здоровыми

нравственными установками, которые в критические моменты заставляют человека вдруг оставить позицию безучастного наблюдателя и, переступив через застарелые стереотипы, совершить поступок, продиктованный честным сердцем, возможно, даже вопреки оппортунистическому рассудку.

Вселенский закон возмездия реализуется не только посредством природных катаклизмов, но и — в большинстве случаев — руками людей, не приемлющих Зло и без колебаний принимающих сторону Бога в Его извечной борьбе с дьяволом.

Видимо, вовсе не случайно волею автора герой и героиня романа, в силу реалий бытия вынужденные решительно игнорировать евангельский постулат относительно щеки, подставленной под удар, как, впрочем, и многие иные постулаты, в итоге соединяют свои судьбы перед церковным алтарем с искренней верой в будущее, «залитое беспределом рассветов и произволом закатов».

С верой в Добро.

*В. Гитин, вице-президент
Ассоциации детективного
и исторического романа*

Пролог

В большой холодной женской спальне образцово-показательного детского дома номер двадцать три стояло пронзительно жутковатое зловоние. Только извращенец-токсикоман мог получать удовольствие, вдыхая запах, исходящий от неухоженных и давно не мытых детских тел. В спальне обитали тридцать пять воспитанниц — от восьми до семнадцати лет. И все они были несчастны. Несчастье их состояло в том, что, будучи сиротами и полусиротами, девочки были лишены детства и являлись личной собственностью администрации детского дома. Если мальчики с утра до вечера пахали на стройках, в садах и огородах своих учителей, то девочки были секс-рабынями. Физрук, трудовик, историк, врач, охранники, завхоз — каждый из этих мужчин имел по несколько наложниц. Все об этом знали. Все было в порядке вещей. И детям, свыкшимся со своим бесправным положением, оставалось только ждать — либо усыновления, либо совершеннолетия.

Семнадцатилетняя девочка по прозвищу Белка (именами и фамилиями здесь не пользовались) в эту ночь не спала, так как ожидала вызова к директору. Она была любимой игрушкой директора, и ей многие завидовали. Директором образцово-показательного детского дома номер

двадцать три был депутат облсовета, заслуженный учитель страны Антон Семенович Макаров.

Он считал педагогику и педофилию родными сестрами. Причем педофилия была старшей. Он с любовью отбирал маленьких девочек и развращал их до появления первых половых признаков — растительности на лобке и под мышками и начала менструального цикла. Как только появлялись месячные, он терял к девочке всякий интерес и она тут же становилась всеобщим достоянием. Это значило, что ею могли пользоваться не только мужики-преподаватели, но и мальчишки-детдомовцы. А они это делали, как правило, грубо и коллективно. Белка росла красивым, ушлым и коварным ребенком. Она видела, что ожидает тех, кто пробовал бежать, жаловаться и не подчиняться. Беглецов ловили и жестоко наказывали. Жалобщиков заставляли прилюдно, прямо на линейке, есть кал и запивать его мочой. А непокорных умиряли голодом и побоями.

Белка не походила на остальных. Увидев один раз, как восемь мальчиков водили «хороводы» вокруг десятилетней девочки, она дала себе слово в этих «танцах» не участвовать. Для этого из всех зол она выбрала большее. А большим как раз и оказался Антон Семенович. Разузнав у подружек по секрету, в какие игры он любит играть, она сумела стать его постоянной любовницей. В одиннадцать лет она называла пятидесятилетнего извращенца «любимым мальчиком» и предлагала разнообразить их игры. Дело в том, что Антон Семенович любил играть в «дочки-матери», в «больницу», в «военнопленных» и прочие «безобидные» детские игры. Только до Белки он играл один на один с очередной жертвой, а Белка по-

стоянно придумывала новые варианты игр, внося в них огромное разнообразие. Постепенно она стала незамеченной для директора, то есть его первым заместителем по секс-досугу. К тому же Белка приобрела огромное влияние на жизнь и быт детского дома. От нее теперь многое зависело. С ней считались, ее дружбы искали. Она сумела стать фавориткой, ее любили и ненавидели.

Впервые попав к Антону Семеновичу, как и все, в десять лет, она, стерпев боль и унижение, вместо слез и просьб о пощаде сильнее прижалась к взрослому мужчине своим маленьким детским телом и начала шептать на ухо уроду нежные и загадочные слова, смысл которых сама до конца не понимала. Она так возбудила и удивила своего «учителя», что он с нетерпением и любопытством ожидал следующего раза. Следующий раз был лучше предыдущего — и так постоянно. В двенадцать лет она предложила позвать еще одну девочку, чтобы попробовать втроем, потом двух девочек, чтобы Антоша получил двойное удовольствие, а она бы посмотрела...

Чтобы не погружаться глубже в эту выгребную яму, а дна там, увы, нет, Белка, удивляясь самой себе, сумела из военнопленной стать главным надзирателем в советском образцово-показательном сексуальном концлагере. У нее одной были красивые платья и белье. Своя косметика и бижутерия. Отдельный угол у окна в общей спальне и отдельный стол со спецпитанием в столовой.

Контролирующие органы всегда были довольны результатами проверки, так как в подсобном хозяйстве юные натуралисты выращивали кроликов для столовой обкома партии.

И вообще, Антон Семенович был очень гостеприимным хозяином и умел удовлетворять все гастрономические и эротические фантазии своих гостей, таких, как, например, завоблоно, которая была женой крупного партийного функционера и известной в городе лесбиянкой. А так как все оргии снимались им на пленку, то у него скопилось достаточно компромата и на начальство, и на силовиков, тоже не брезгующих «свежатинкой». Поэтому лозунг «За твердую макаренковскую линию в советской педагогике!», висевший на фасаде здания, был выполняем и всегда актуален.

Трудовой коллектив образцового детского дома был довольно сплоченным.

Если и попадались непонятливые преподаватели, то им быстро объясняли, что к чему. И они либо подчинялись общим правилам, либо исчезали бесследно. Один журналист молодежной газеты, осмелившийся описать быт и нравы детского дома по-своему, трагически погиб в автокатастрофе, а юная выпускница педагогического института повесилась в котельной из-за «несчастной любви», не оставив даже прощальной записки.

Таким образом, жизнь в образцово-показательном детском доме текла размеренно и спокойно. Практически без эксцессов и ЧП. А если кто-то из детей умирал — так все мы смертны...

Преподаватели регулярно получали премии и благодарности, а дети на смотрах и конкурсах благодарили партию и правительство за свое «счастливое» детство.

Белка не то чтобы была счастлива — она еще не знала, что это такое, — но, приняв условия этой игры, уму-

дрилась выиграть. Став лживой и коварной, она сумела выбиться в лидеры, не дав себя растоптать. С десяти до семнадцати лет, участвуя в этом изнурительном марафоне на выживание, Белка набралась такого жизненного опыта, которого иным хватило бы на десять жизней.

Она понятия не имела, что такое хорошо, так как хорошего в своей ранней сиротской доле видела мало. Но зато что такое плохо, она узнала сполна. И прекрасно научилась разбираться в людях и экстремальных ситуациях. Она точно знала, как будет выстраивать свою дальнейшую жизнь и что в этой жизни будет главным, а что второстепенным.

Господи! Спаси и сохрани!

Глава 1

Один раз в месяц, в последнее его воскресенье, Порфирий Степанович Мамин вот уже много лет подряд выполнял один и тот же приятный и очень важный для себя ритуал. В своем небольшом частном доме на окраине города он зашторивал окна, отодвигал книжную полку, доставал из сейфа, вмонтированного в стену, пухлые папки и проводил инвентаризацию прошлого. В некоторых папках хранились документы и фотографии, касающиеся непосредственно его самого, а в некоторых были картотеки, содержащие досье на интересующих его людей.

Голицын Антон Януарьевич, кличка Князь. Капитан милиции, старший оперуполномоченный. Двадцати восьми-тридцати лет. Высокий, спортсмен, красавец, умница, любит жизнь, свою работу. Правильный мент, впереди длинная и счастливая жизнь.

Кротов Николай Иванович, кличка Крот. Капитан милиции, старший оперуполномоченный. Язва желудка, гипертония, разведен, алиментщик, год до пенсии. Любит только свою работу и ни с кем ей не изменяет. Правильный мент.

Дубцов Иван Иванович, кличка Дуб, кличка Ваня-Ваня. Майор милиции, начальник убойного отдела. Любит свою семью, ненавидит «висяки» и самоотверженно сражается с ними. Будучи опером, неоднократно применял неформальные методы ведения дознания. Отчаянно смел в засаде и безумно боязлив в приемной начальника. До пенсии меньше года — дотянуть любой ценой.

Порфирий Мамин знал о своем городе и его знаменитых людях все и даже чуть-чуть больше. Учившийся в школе весьма посредственно, не служивший из-за плоскостопия, отчисленный с первого курса театрального института по профнепригодности, а не из-за диссидентства, как он всем говорил, Порфирий много лет работал свободным художником, то есть курьером.

Мало кто знает, какая интересная и опасная эта работа. Сколько необходимо мужества, творчества, смекалки и многих других личных качеств для доставки ценного и опасного груза, секретной и важной информации. В детстве Порфирий воодушевился, прочитав о первом красном курьере Иване Загубанском, о товарище Нетте — «пароходе и человеке», о пионере-герое Вите Черевичкине, разводившем в Ростове почтовых голубей для нужд подполья:

Жил в Ростове Витя Черевичкин,
В школе он отлично попевал,
И в свободный час он, как обычно,
Голубей на волю выпускал.

Голуби мои вы милые,
Улетайте в солнечную высь.
Голуби вы сизокрылые
В небо голубое унеслись...

Но потом в город пришли немцы и, очевидно, сразу смекнув, что пионер-герой разводит голубей не из гастрономических соображений, а для связи подполья с очень большой землей, решили отнять пернатых курьеров и уничтожить голубятню. Словом, фашисты, что с них

взять. Будучи солистом школьного хора, каждый раз доходя до последнего куплета песни, Порфирий плакал над героической судьбой юного пионера.

...Долго Витя им сопротивлялся,
Голубей фашистам не давал,
Но вдруг голос Витин оборвался,
И убит был Витя наповал.

Припев:

Голуби мои вы милые,
Улетайте в солнечную высь.
Голуби вы сизокрылые
В небо голубое унеслись...

Отношения Порфирия с Иваном Загубанским не сложились, так как последний водил дружбу с одесским бандитом Лимончиком, а Порфирия с детства учили великие дела делать чистыми руками. Что же касается товарища Теодора Нетте, то, поскольку о его героическом прошлом Порфирий знал мало, ему самому приходилось рисовать эти подвиги в своем воображении. Порфирий часто представлял, как окруженный предателями бесстрашный коммунист товарищ Нетте, который вез дипломатическую почту, прижимал к пронзенному сердцу письмо Владимира Ильича Ленина к Инессе Арманд и спрашивал у своего убийцы: «И ты, Брутто?» Так как в жизни добро всегда сопровождает зло, Порфирий не мог представить товарища Нетте без товарища Брутто.

Весь день Порфирий носился по городу, разнося пакеты, коробочки, конверты. Доставляя сверток от зубных

техников к дантистам, он представлял себя народовольцем масштаба Николая Желябова и Софьи Перовской. Переправляя пакет из канцелярии градоначальника в горБТИ, он знал, что в данный момент судьба всех архитектурных излишеств города в его руках. За годы работы Порфирий смог стать корифеем доставочно-курьерского бизнеса. Его услугами пользовались многие учреждения и частные лица, заинтересованные в качественной работе — своевременной и аккуратной доставке своего груза. И никто в целом мире не знал о том, что старый чудаковатый городской курьер собирает компромат на всех более или менее влиятельных в городе людей.

Каждое последнее воскресенье месяца суперкурьер Порфирий Мамин проводил так называемый общегородской воскресник. Он доставал из сейфа, надежности и крепости которого могли бы позавидовать хранилища американского резервного банка, досье на интересующих его горожан и перебирал, добавлял и подытоживал информацию. Бытует мнение, что все беды человечества от недостатка информации. Порфирий Мамин этим не страдал; вот и сейчас, разложив на столе папки с досье, он просматривал личные дела интересующих его людей, снабжая все персоналии необходимыми комментариями и внося уточнения в характеристики.

Потапов Валерий Иванович, кличка Потап, кличка Дед. Начальник райотдела, полковник милиции. У Деда друзей нет, есть только хорошие подчиненные и плохие. Для хороших — все, для плохих — устав и условия для неполного служебного соответствия. Любит свою семью, свою собаку, свою работу. Не любит философию Ницше,

музыку Шнитке и поэзию Рильке. Мысль о пенсии нагоняет тоску и исчезает так же внезапно, как и появляется. Очень правильный мент.

Стороженко Сергей Сергеевич, кличка Сторож. Старший лейтенант милиции, на третьем году службы нажил прободную язву и лег в больницу на операцию. После операции будет комиссован и сопьется на хрен. Очень любил свою работу, был правильным ментом.

Кукушкина Елена Сергеевна. Стажер. Натуральная рыжая, безумная красавица, редкий случай, когда формы полностью соответствуют содержанию. Пока не замужем — не потому что не берут, а потому что нет достойного. Между чувством долга и личной гигиеной выбирает второе, считая, что женщина не должна дежурить сутки в составе опергруппы. Любит свою работу, экзотические фрукты, экстремальный секс и томатный сок. В людях превыше всего ценит надежность, обязательность и чувство меры. За каждую веснушку на ее лице можно отдать не только жизнь.

Мухин Александр Петрович — судмедэксперт, веселый, добрый, умный, простой, доступный, любому может занять деньги, сам же скорее сгорит со стыда, чем попросит. Хронический холостяк. Прошлое — тайна. Личная жизнь — тайна. Заядлый болельщик футбола и коллекционер антиквариата.

Рябинов Игорь Анатольевич — кандидат медицинских наук, врач-психолог, руководитель Центра детекции лжи. Хороший семьянин, душа компании, страстный рыбак, коллекционер антиквариата.

Курилко Владлен Натанович — врач-патологоанатом, рафинированный интеллигент, мужчина энциклопеди-

ческих знаний, самодостаточен, не женат. Его религия — его работа. С любовью относится к жизни и с уважением к смерти. Он еще нас удивит...

Голицын Януарий Филиппович — доктор медицинских наук, профессор, главный врач ЦГБ, заядлый рыбак, умница, хирург милостью Божьей. Коллекционер антиквариата.

Голицын Вадим Януарьевич — банкир, председатель совета директоров «Омега-Банк», преуспевающий бизнесмен.

Голицына Галина Петровна — стареющая прима оперетты.

Шмидт Лазарь Исаевич — директор мясокомбината. Жирный хасидский боров, веселый и жадный. Старейший плейбой, коллекционер.

Бояринов Анатолий Павлович — главный режиссер оперетты, бывший тенор, герой-любовник. Молодящийся, красящий хной остатки волос. Рыбак, коллекционер.

Глава 2

Профессор Голицын собрал у себя на даче всех самых близких друзей накануне своего дня рождения. Он поступал так каждый год, называя эту акцию «предбанником». То есть день рождения у него был на следующий день, но завтра придет много разных людей — хороших и не очень, званых и незваных, официальных и проходных. А сегодня на традиционном мужском «предбаннике», как всегда, собрались лишь самые близкие. Те, с кем связывала не только многолетняя дружба, но и память о прошлом,

таком далеком и разном. Среди гостей были судмедэксперт Саша Мухин, директор мясокомбината Лазарь Шмидт, главный режиссер театра оперетты Анатолий Бояринов и главный патологоанатом города Владлен Курилко.

Мужики крепко выпили, все, кроме Курилко. Хорошо закусили. Серьезно попарились в русской баньке и теперь, сытые и довольные, негромко разговаривали, развалившись в удобных кожаных креслах.

— Я пригласил вас, господа, — громким пьяным голосом начал Мухин, — чтобы рассказать пренеприятнейшую историю.

— К нам едет ревизор? — почему-то без улыбки на лице спросил Курилко.

— Нет, но в городе стали, как вам известно, исчезать коллекционеры, а эта безобидная страсть как раз всех нас и объединяет, — закончил Мухин уже не так радостно.

— Ну, положим, нас объединяет не только это, — негромко, но очень внятно и членораздельно сказал Курилко. Все присутствующие, на которых поровну разделилась эта фраза, мгновенно притихли и переглянулись. Курилко продолжил, нарушив опасную тишину: — Я имел в виду нашу многолетнюю дружбу.

Мужчины тут же облегченно вздохнули, и каждый наполнил свою рюмку.

— Лучше бы ты пил, Натанович, как все нормальные люди. А то непонятно, в какие дали может завести тебя твой порошок, — со вздохом произнес Лазарь.

— Друзья мои, оставьте его в покое. Мы уже в том возрасте и в том статусе, когда привычки менять поздно, — вступился за Курилко Бояринов.

— Да, особенно такие, как у тебя, — тут же парировал Лазарь, имея в виду, очевидно, бисексуальность Анатолия Павловича.

Бояринов вспыхнул, хотя его пристрастия были тайной Полишинеля, и, ничего не ответив, картинно отвернулся.

— Пацаны, пацаны, не ссорьтесь! — Голицын примирительно поднял руку. — Дело серьезное. Коллекционеры исчезают, менты с ног сбились, обыватель напуган, и мы должны быть уверены в том, что нам это не грозит.

— Уверенным в собственном бессмертии может быть только одноименный Кощей. Да и то, как выяснилось, напрасно. А нам, многогрешным, уверенность эта липовая и вовсе ни к чему, — невесело пошутил Курилко. — Господа! Мы молоды, трахаем красивых телок, здоровы, и по меньшей мере недержания мочи у нас сегодня не наблюдается. Так чего нам, молодым и здоровым, собирать морщины на лбу? Что было — мы знаем, что будет — Бог знает, а знание, как известно, сила. А посему предлагаю закончить наш предбанник на этой мажорной ноте. Давайте выпьем и, простите, нюхнем за молодых, здоровых и сильных.

Глава 3

Утро было таким богомерзким, что от одной мысли о том, что нужно вылезать из постели, становилось муторно и тревожно.

Антон поежился, убрал под одеяло раскрытые во сне ноги, укутался с головой и, моментально согревшись,

вновь почувствовал себя счастливым. «Как все-таки мало нужно человеку для счастья», — светом неоновой благополучия озарила сознание довольно-таки оригинальная мысль. Если еще немножко понежиться, то можно и до поисков смысла жизни опуститься. Странно, а почему не подняться? Да потому что поднимаются к вершинам, а опускаются к пошлостям и банальностям. Поэтому, как там у Визбора: «Вставайте, граф, уже рассвет полощется». Применительно к данной ситуации все верно, кроме титула.

Вчера действительно был безумный вечер, за ним — ураганная, практически бессонная, ночь и, как следствие, «утро туманное». И был в том вечере детективный вестерн с погоней и стрельбой. И была продавщица молочного отдела местного супермаркета, которую хотели ограбить и изнасиловать трое горячих парней с южных окраин некогда могучей империи. Они долго не желали покоряться империи, а покоровшись, решили остаться на ее территории всерьез и надолго. И вели себя эти представители гордых и малых народов не как гости, а как завоеватели. Трое суток они грабили родной город Антона и обращались с его дочерьми как с наложницами. Пока, на беду, не нарвались на самого Антона. Возвращаясь домой, он увидел, как в похожий на разыскиваемый за грабежи и разбой автомобиль грузят очередную жертву. В общем, говоря казенным языком, лица кавказской национальности, в количестве трех кинжалов, усаживали в машину блондинку, которая после работы останавливала такси, чтобы попасть домой, а не в кавказский аул.

Быстро и без лишней суеты приближаясь к автомобилю со стороны переднего пассажирского сиденья, Антон автоматически отмечал места расположения объектов и выбирал оптимальную позицию для атаки. Так, один за рулем. Часто и нервно оглядывается на заднее сиденье. Торопится, пытаясь попасть ключом в замок зажигания. Отвлекается на мгновение, нетерпеливо всматриваясь в подозрительного субъекта, который подходит с правой стороны и, как-то по-идиотски улыбаясь, наставляет на него пистолет на манер двух кольтов... Еще один уже наполовину в салоне. Мостится на заднее сиденье, стараясь затащить девушку в машину. Дура! Он тянет ее за ремешок сумки, которую та ни за что не хочет выпускать из рук... Ключ в замке, сейчас повернет... Третий, особо не церемонясь, грубо пихает девушку, одновременно отпуская подзатыльники. Вот это спина! Крупный экземпляр, грех промахнуться... Ключ!

Антон, продолжая улыбаться, на долю секунды заглянул в салон, подмигнул водителю и расслабил руки, словно у его кольтов закончились патроны. Выиграл секунду.

Резко выпрямившись, в противоходе, буквально вкинул правую ногу в салон в надежде сломать ключ прямо в замке зажигания. Уже поворачиваясь к «спине», Антон услышал, как вскрикнул рулевой, и зафиксировал поток брани, где встречались и «наши» местоимения.

Обладателю широкой спины надоело, казалось, церемониться с этой «кобылой», и он, обхватив своей ручищей ее шею под основанием черепа, сильно надавил пальцами. Девушка, сжав плечи, заверещала, но по-прежнему,

правда, уже одной рукой, продолжала держаться за свою сумку. Высвободив ногу из салона машины, Антон отступил на полшага назад и что есть силы, не заботясь о последствиях, пнул гордого джигита левой ногой. Носок туфли с жесткой кромкой еще не обтертой подошвы точно вошел в углубление под копчиком. Верзила разжал хватку и резко выпрямился. Натяжению и прогибу его спины могли бы позавидовать лучшие танцоры фламенко. Остекленевшие глаза, полные слез. Плотны, до белизны сжатые губы. Хочется орать... Но гордость не позволяет. Антон хорошо помнил эти ощущения еще с первого класса, когда на веселых зимних каникулах, катаясь с горки, вылетел из санок и наткнулся копчиком на поджидавший именно его камень. В общем, на минуту-две ступор обеспечен.

Воспользовавшись моментом, Антон подскочил к девушке, все еще держащейся за сумку, и недолго думая резко ударил костяшками пальцев по запястью. Девушка негодуяще вскрикнула и разжала руку. Не поймешь этих женщин, неужели сумочка дороже собственного здоровья? Любитель женской атрибутики, потеряв опору, провалился в салон и, видимо, мимоходом задел локтем рулевого, потому как с переднего сиденья возобновился поток ругательств с новыми местоимениями, но уже в адрес соплеменника. Недавняя жертва нападения, вдруг спохватившись, бросилась обратно в салон и таки вырвала из рук ублюдка свою собственность. Отбежав на безопасное расстояние, она не покинула места события и, выудив из сумочки телефон, стала лихорадочно набирать какой-то номер...

Так, девчонка в стороне, у водилы разбиты пальцы — отлично, жаль только, что ключ не сломался. Этот уже отошел от шока... ты смотри, быстро, а тот debil через пару секунд вылезет из машины. Все, пора работать... «Спина» получил классическую «двочку» в могучий подбородок и боковой слева в орлиный клюв. Это было слишком самонадеянно. Струйка крови из носа, не более того. Зато ответная оплеуха чуть не впрессовала самого Антона в открытую машину. Благо, что этому помешал вылезавший из нее любитель сумочек, не смирившийся, вероятно, с потерей. Матерясь уже по-нашему, он снова провалился в салон.

Хватит очки набирать... упаковываем. Удар в пах долгожданно отозвался во всем теле могучего горца. Он обеими руками схватился за промежность и с неподдельным ужасом в глазах, глотая воздух широко открытым ртом, рухнул на колени. Антон наступил на пятку, выворачивая ее внутрь, послышался хруст, и верзила заорал. Ну наконец...

Второго неудавшегося медвежатника (специалиста по мохнатым сейфам) Антон вытащил из машины, просто схватив за волосы. Встретил коленом. И еще раз. Ткнув его носом в асфальт, поддал ногой по ребрам. Не туда. Пнул в другое место. Лежащий закашлялся. Хорошо.

Сзади зашелестел стартёр... Так, третий... Мотор взвыл... Черт!.. Скрежет коробки передач... Не успел.

Тот, что был за рулем, вовремя сообразив, что к чему, включил форсаж и рванул с места приключения на юг по направлению к Военно-Грузинской дороге. Как обычно, сразу же после драки подъехавший патруль приступил

ко второму действию — оформлению, предоставив Антону третье, заключительное, действие «марафонского балета» — погоню. Инстинкт охотника моментально превратил безнадёгу в мечту. Двумя яркими васильковыми зарницами призывно полыхали в конце его холостяцкого тоннеля испуганные глаза укротительницы йогуртов и плавленых сырков. «А продаются ли еще плавленые сырки? — подумал Антон. — И если да, то как они сегодня называются? Наверное, “Дружба”». Увидев, как пуля, совсем не из водяного пистолета потомка свободолюбивого Мцыри, разбила вдребезги левое боковое зеркало, Антон, резко уйдя вправо, высунулся из окна и выстрелил по колесам. Арбу джигита занесло, закружило и остановило. Антон в два прыжка покрыл расстояние, отделявшее его от заслуженного отдыха, а его визави от возможности в тиши казенной кельи перечитать, а заодно и переосмыслить судьбу лермонтовского героя.

А потом были слезы благодарности спасенной продавщицы и ночь — бурная, ненасытная, как будто продавала она не топленое молоко, а сырое мясо, которое пожирала прямо с ножа, пренебрегши термической обработкой. Одиноким женщины могут совершенно точно определить, женат их партнер или нет. Вне зависимости от возраста и опыта. Всю ночь, гоня выжатого Антона по периметру огромной, размером с небольшое футбольное поле, кровати, Ольга — так звали приз за победу в вечернем марафоне — сквозь хрипы, всхлипы и стоны прозрачно намекала, что не прочь узаконить эти гладиаторские бои без правил. И, уйдя рано утром

на работу, оставила своему последнему герою завтрак, записку и ключи. Завтрак Антон съел, записку прочитал, а вот от ключей благоразумно отказался, так как понимал, что бесплатный сыр даже у продавщицы лучше всего сохраняется в мышеловке.

Все было правильно в песне Визбора: «И кстати, там вчерашняя молочница уже поднялась, полная беды». Кроме титула. Антон был князем. Фамилия его была Голицын. И, как утверждал его златоустый отец, род их шел чуть ли не от Рюриковичей. И если после тысяча девятьсот семнадцатого года родовитые и столбовые Ивановы, Петровы, Сидоровы вели свои генеалогические ветви от корней Путиловских заводов и Морозовских мануфактур, то после 1991 года изо всех щелей, словно любопытные тараканы на яркий свет, повылазили Шереметевы, Оболенские, Дашковы, Воронцовы, Волконские и другие. Многочисленные ряженые обормоты стали грустить об утраченной монархии и невинно убиенной царской семье. Как будто это не потомственный дворянин, князь Львов, ведомый неврастеником Пуришкевичем, принимал отречение от государя императора. Как будто это не сын действительного статского советника дворянина Ильи Ульянова в семнадцатом заварил кровавую кашу! Кашу, которую нашему поколению по сей день приходится уже не хлебать, как тем недоноскам, а расхлебывать.

Антон не любил отца. Даже вчера на его день рождения Антон не соизволил явиться, отговорившись, что по уши загружен работой. Казалось бы, все, что нужно сыну, он получил сполна. Но, в отличие от своего стар-

шего брата, ставшего банкиром, он пошел «не тем путем». С блеском окончив юридический факультет и отказавшись от всех выгодных предложений, Антон выбрал ментуру и стал простым опером. Побывав в нескольких «горячих» точках, выйдя целым и невредимым из ряда кровавых бань и саун, он в какой-то момент понял, что можно быть порядочным человеком и у себя дома, и на своей работе.

Антон также понял, что его война — это его жизнь. И если победить в ней нельзя, то побороться, покуражиться и кайфануть можно. И чем ярче будет эта борьба, тем желаннее будет победа. А трудности и неудачи — это еще не поражение! Это пусть фальшивая и, возможно, бездарная, но увертюра к победе!

Вот таким безнадежным оптимистом был старший оперуполномоченный уголовного розыска тридцатилетний капитан милиции Голицын Антон Январьевич.

Глава 4

Пасмурное, сопливое, ОРЗэшно-чахоточное, пневмонийно-туберкулезное утро. Кто бы знал, как не хочется вылезать из-под теплого одеяла. Особенно когда тебе двадцать с небольшим довесочком лет. Ты молодая и, если не врут зеркала, вызывающе красивая рыжая секс-революционерка. Почему революционерка? Да потому что в этом возрасте революционеры все. Контрреволюционеры — это секс-меньшинства. А если у тебя все в порядке с ориентацией и тебе двадцать лет, ты —

новатор, ниспровергатель, а с годами созидатель, если повезет.

Так или примерно так думала, ворочаясь в постели и весело напевая в гоблинской интерпретации Интернационал, Кукушкина Елена Сергеевна.

Вставай, виагрой утомленный,
Не будь голодным и рабом.
Кипит мой разум возмущенный,
И организм на все готов.

Сладко потянувшись до мелодичного хруста и набрав в легкие достаточное количество воздуха, она во всю их юную мощь выдохнула: «Припев!»

Это есть наш последний
И решительный секс.
В Интернационале
Передерем мы всех!!!

Внутренняя свобода рыжей Багиры этим утром входила в крутые противоречия с некоторыми внешними факторами. Как, например, с первым выходом на работу. Лена приняла душ, высушила и уложила волосы, еще раз с радостью отразилась в зеркалах и быстро оделась. В одежде она выглядела не менее соблазнительно, но более загадочно. Строгий серый деловой костюм и белая псевдомужская сорочка не только не скрывали, а казалось, еще больше подчеркивали совершенство ее форм. Бросив на себя последний оценивающий взгляд и сделав губами движение, которое должно было окончательно

примирить их с помадой, Леночка быстро выбежала во двор. Сев в красивую маленькую машину класса «земля-земля-небо», она поехала на свою первую в жизни работу, к исполнению самой заветной в мире мечты.

Глава 5

«...А черт, что за запах в квартире, опять, наверное, в кухне что-то горит. Господи, за окнами двадцать первый век, а я живу в таком усеченном и ограниченном пространстве. Кухня, ванная и туалет в коммуналке общие. Нигде в мире люди не поймут, как может быть общим отхожее место?! Как можно с утра во исполнение личных надобностей выстоять очередь?! Как можно идти в туалет со своим стульчаком? Ведь если повесить его на гвоздь в самом туалете, как это делают некоторые смелые, но недалёковидные соседи, — им обязательно воспользуются».

С этими веселыми и приятными мыслями старший оперуполномоченный капитан милиции Кротов Николай Иванович просыпался практически каждый день. Разница состояла только в музыке, которую с шести утра врубали одни, и запахе жарки от других. Свою трехкомнатную квартиру Кротов при разводе оставил жене и двум сыновьям, а в коммуналке, оставшейся после смерти бабушки, уже несколько лет жил один. А если бы родная бабка не пожалела внука и не умерла, жить бы грозе насильников и бандитов в общежитии. Тогда и спальня была бы общей. Кротова мало интересовал быт. Все свое время он проводил на работе, а дома только ночевал. Скоро пен-

сия, и тогда можно будет подумать и о быте, и «о свечном заводике в Самаре». А пока пахать до полного и окончательного искоренения преступности во вверенном ему районе. И тут уже, господа хорошие и плохие, не до сантиментов: свой, чужой — на дороге не стой. Как в той детской считалочке, а? Кто не заховалялся, я не виноват. Начинаю искать...

Глава 6

Все счастливые мафиозные семьи на свободе счастливы одинаково, а каждая находящаяся в тюрьме несчастлива по-своему. Все смешалось в общей камере номер тридцать один в первом корпусе городского централа. Или СИЗО номер один, находящемся по адресу Прохладная Гора, 99.

Так или примерно так написал бы сегодня царь литературных зверей конца позапрошлого и начала прошлого веков о происходящих в нашем городе событиях. А волнение в камере началось из-за того, что некоторых сидельцев начал вызывать к себе для профбеседы кум — начальник оперчасти СИЗО, майор Орехов. Он косил под тонкого интеллигента и редко бил зэков днем. Даже если он и позволял себе эти плебейские развлечения, то исключительно во время своих ночных дежурств и только для разрядки. Орехов получил университетское образование, много читал и стал жандармским ротмистром по чистому, как ему казалось, недоразумению. Он хлестал водку с другими операми, но в отличие от них не напивался до потери человеческого облика, а лишь бледнел и молчал.

Он перетрахал всех красивых контролерш и телефонисток и сейчас волочился за новенькой прапорщицей, еще не успевшей прогнить и скурвиться.

Находясь в небольшой камере, так называемой «сексотной», где стояли только стол и два табурета, он шлифовал в уме комбинацию, в результате которой только что «заплывший карась» должен был выпрыгнуть из трехкомнатной квартиры. Эту комбинацию придумал не он, а райотдел. Ему осталось только дожать. В доле были несколько человек: участковый, нарывший эту хату, паспортистка из ЖЭКа, которую драл участковый, опера, подбросившие бичу наркоту, и, естественно, он. У шустрого участкового с паспортисткой в доле были риэлторша и начальник райотдела. У оперов — прокурорские, а у него — начальник СИЗО. Вся эта веселая и вечно голодная семья в ожидании сидела за большим, так сказать, столом и била ложками по тарелкам, требуя «оросить их хищные клювы».

Схема отъема была проста и элегантна. Паспортистка сообщала участковому о том, что по такому-то адресу проживает одинокий человек. Участковый приходил на профбеседу, знакомился с условиями жизни, спрашивал, все ли в порядке, не нужна ли какая-нибудь помощь. Если человек был пьющим, а одинокие люди, как правило, именно такие, то он собирал у охочих до жалоб соседей заявления, что в квартире «притон», и заводил ОРД.

Дальше бравые опера с дрессированными понятиями делали обыск и «находили» наркоту и патроны. При аресте «бич», естественно, «оказывал сопротивление» и т. д.

В начале задержания его оформляли на сутки и пресовали в ИВС, объясняя перспективу, и, если жертва

Літературно-художнє видання

МАХОВ Валерій
Сезон помсти
(російською мовою)
Роман

В авторській редакції

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 22.11.2018.
Формат 70x100/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 9,675.
Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а.
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

МАХОВ Валерий
Сезон мести

Роман

В авторской редакции

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 22.11.2018.
Формат 70x100/32ц. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 9,675.
Тираж 4000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а.
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Життя у візрцевому дитячому будинку було розміреним та спокійним. Практично без ексцесів і НП. А якщо хтось із дітей вмирав — так усі ми смертні...

Беручи участь у цьому виснажливому марафоні на виживання з 10 до 17 років, Білка здобула такий життєвий досвід, якого іншим вистачило б на десять життів. Вона й гадки не мала, що таке добро, оскільки доброго в своїй ранній сирітській долі бачила мало. Одначе що таке погано, вона спізнала вповні. І чудово навчилася тямити в людях та екстремальних ситуаціях. Вона точно знала, як будуватиме своє подальше життя і що в цьому житті буде головним, а що другорядним...

Махов В.

М36 Сезон мести : роман / Валерий Махов. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 240 с.

ISBN 978-617-12-5626-2

Жизнь в образцово-показательном детском доме текла размеренно и спокойно. Практически без эксцессов и ЧП. А если кто-то из детей умирал — так все мы смертны...

Участвуя в этом изнурительном марафоне на выживание с 10 до 17 лет, Белка набралась такого жизненного опыта, которого иным хватило бы на десять жизней. Она понятия не имела, что такое хорошо, так как хорошего в своей ранней сиротской доле видела мало. Но зато что такое плохо, она узнала сполна. И прекрасно научилась разбираться в людях и экстремальных ситуациях. Она точно знала, как будет выстраивать свою дальнейшую жизнь и что в этой жизни будет главным, а что второстепенным...

УДК 821.16-312.4